

УДК 882

Г. А. Островатикова

ДОМ И БЕЗДОМЬЕ В «ОЧЕРКАХ БУРСЫ» Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО

Статья посвящена исследованию традиционных для русской литературы и культуры понятий *дома и бездомья* на материале «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского. Предметом размышления автора статьи становятся центральные для указанного цикла образы *дома и антидома*, воплощением которых является духовное училище – бурса. Особое внимание уделяется анализу противопоставления дома и антидома-бурсы как своего, безопасного пространства – чужому, опасному.

Ключевые слова: Н. Г. Помяловский, «Очерки бурсы», дом, антидом, бездомье.

Образ дома, по мнению многих исследователей, является традиционным в русской литературе. Через топос и образ дома реализуется тема жизненного уюта, тепла, гнезда, корней, истоков, начала большого жизненного пути. В архетипических представлениях дом всегда ассоциировался со *своим*, безопасным пространством, отгороженным, отграниченным от внешнего мира, защищенным и защищающим от опасностей внешнего мира *уголком*. Дом – микрокосмос, малая вселенная, свой особый мир, в котором действуют «свои» хорошо знакомые правила и порядки. Т. Цивьян, изучая образ дома в фольклорной модели мира, пришла к мысли, что «дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим...» [1, с. 72]. Наряду с этим в фольклорной традиции и литературе встречается противопоставление *дома* как своего, безопасного пространства *антидому* – месту чужому, опасному.

Эта традиция является значимой для русской культуры и литературы. К ней не раз обращались классики русской литературы – А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и др. Развитие этой традиции можно наблюдать и у Н. Г. Помяловского, представителя демократической литературы 1860-х гг. Образы *дома / антидома* являются центральными в «Очерках бурсы». Они стали предметом наших размышлений в указанном цикле.

Автобиографические очерки о духовном училище создавались писателем в период с 1861 по 1863 г. и, по мнению исследователей, стали его наиболее значительным с художественной точки зрения достижением. Из-за болезни и смерти автора «Очерки бурсы» остались незавершенными. Последний очерк «Переходное время бурсы» был напечатан уже после смерти автора.

Герои очерков Н. Г. Помяловского – дети и подростки, воспитанники Петербургского духовного училища – бурсы при Александро-Невской лавре. На первом плане повествования показана жизнь героев без родителей. Уже в первом очерке моделируется ситуация *оставления*, ухода из родного дома: «родные с плачем, воем и причитаниями отправляли своих птенцов в науку» [2, с. 261]. Сразу задается тема *бездомности*, неприютности: молодые люди, окончившие бурсу, «отправляются за ворота», но больше не

возвращаются в отцовский дом, а «шатаются без определенных занятий по епархии, не зная куда деться со своими титулками» (аттестатами. – Г. О.) [2, с. 261].

С одним из первых появляющихся на страницах очерков бурсаков по кличке Хорь вводится тема беззащитности, *бездомья* как тема отсутствия чего-либо *своего*: «У Хоря ничего не было *своего* (здесь и далее курсив мой. – Г. О.) – все казенное, и, если бы не казна, вы увидели бы в лице его возможность на Руси совершенно *голового* (незащищенного. – Г. О.) человека» [2, с. 275–276]. Ощущение бездомности этого персонажа усиливается его круглым сиротством: «Будучи без роду и племени, круглый сирота, он безвыходно жил в училище, на каникулы никогда не ездил и до того втянулся во все формы бурсацкой жизни, что кроме ее, другой не существовало для него» [2, с. 276]. Воспитанники, попадая в бурсу, лишаются даже имен. Их заменяют клички: Митаха, Элпах, Тавля, Чабря, Плюнь, Омега и т. д.

Наряду с темой бездомности – *бездомья* как отсутствия дома возникает и тема антидома – другого, чужого дома, мертвого дома, ложного дома. В его функциях выступает бурсацкое училище. Бурса – казенный дом. Духовное училище предстает средоточием аномального мира. Именно в пространстве бурсы осуществляются «оригинальные», чудовищные забавы бурсаков (игры в «Щипчики» – «холодные», «теплые», «с пылу горячие»; «Скромные», «Постные») – все они связаны с причинением не только сильной физической, но и душевной боли.

Если *дом* ассоциируется с местом укрепления жизни, подготовки к жизни, взросления ребенка под неусыпной заботой, вниманием родителей, то бурса по своим функциям оказывается прямой противоположностью дому. Это проявляется в устойчивой связи казенного места – училища и смерти (постоянные жестокие издевательства учителей над воспитанниками, экзекуции, после которых последних «стаскивают замертво в больницу»; поедающие тело бурсака паразиты, тяжелые болезни, которыми болеют дети из-за постоянного холода и голода). Уже в начале первого очерка бурса предстает как пространство, угрожающее смертью: «Огромная комната, вмещающая в себя второуездный класс училища, носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домо-

витости и приюта. Стены с промерзшими насквозь углами грязны – в черно-бурых полосах и пятнах, в плесени и ржавчине; *потолок подперт деревянными столбами, потому что он давно погнулся и без подпорок грозил падением.* <...> В пять окон пузырчатые и зеленоватыми стеклами пробивается мало света. Вонь и копоть в классе; воздух мозглый, какой-то прогорклый, сырой и холодный» [2, с. 260]. Несовместимость бурсы как *антидома* с жизнью подчеркивается тем, что училище имеет заведомо нежилой вид: автор неоднократно подчеркивает такие признаки запустения, как грязь, тусклое освещение, заплесневелость помещений училища.

Образ антидома создают не только приметы неухоженности, запущенности, но и отсутствие уюта, который характеризует «свое» пространство, отгороженное, отграниченное от внешнего мира, защищенный «уголок». Большинству героев «Очерков...» не знакомо чувство уюта как ощущения *своего* дома. Но в функции антидома («чужого» дома) выступает не только бурса, но и дом, который воспитанник обретает после создания собственной семьи – после женитьбы на «закрепленной», «казенной» невесте. Этот ждущий бурсаков по окончании учебы дом также лишен уюта. Унижаемый и уродуемый физически и нравственно в училище бурсак, вынужденный жениться «на скорую руку», часто оказывается обманутым: невеста либо оказывается намного старше его (смотрины назначаются поздно вечером), либо вообще другой женщиной. Дом и земля, полученные от епархии при женитьбе, также являются казенными, после смерти все переходит к преемнику. Жена, как правило, называется и является сожительницей.

Одно из главных желаний, которое возникает в бурсе, – желание покинуть ее. Бурсаки страстно мечтают о побеге, мечтают попасть в больницу, изуродовать себя, даже жениться на нелюбимой, «чужой» женщине. Не случайно своеобразным рефреном очерков становится фраза: «Сбегу... сбегу... зарежусь... жить нельзя!...»

Наряду с образом бурсы, которая предстает как место наказания, смерти и физической и духовной, на страницах «Очерков...» возникает образ дома как объекта, структурирующего не только пространство, но и сознание человека в пору осмысления им своего положения в мире. Таким пространством, оживающим в воспоминаниях некоторых бурсаков, становится отеческий дом, домашний очаг. Именно домашний очаг ассоциируется в сознании бурсаков со стабильностью, защищенностью, сытостью.

По мысли В. Щукина, слово «дом» в русском языке означает не только «строение для жилья» или «избу со всеми ухаживающими и хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» [3, с. 136]. Какие-то герои «Очерков...» не знают и никогда не знали тепла и уюта родного дома, а для кого-то они остаются в прошлом навсегда. В сознании бурсаков родной дом

– своеобразная константа, к которой они постоянно возвращаются в своих воспоминаниях и снах. «Семенов пробрался к окну и с гнетущей тоской и злобой на сердце смотрел на неприветливый двор, в непроглядную тьму зимнего скверного вечера. Припомнилась ему родная семья. Отец давно уже встал от послеобеденного сна; добрая мать, которой он был любимцем, вносит теперь самовар в гостиную; брат и две сестренки уже около стола, щебечут и смеются, звенят чайные ложки и блюдца, и легкий пар идет от живительной влаги» [2, с. 281]. Отечественный дом осознается как пространство родных людей, стола, собирающего всех вокруг, чтобы напитать, как пространство жизни. Обращает на себя внимание и то, что постоянными участниками воспоминаний бурсаков становятся их родные: отцы, матери, братья и сестры. Отметим, что дом в функциях «гнезда», «защищающего уголка» возникает лишь в воспоминаниях или мечтах детей, находящихся в губительном пространстве бурсы.

Наиболее полно образ отеческого дома как утраченного рая воссоздан в четвертом очерке «Бегуны и спасенные бурсы». Он связан с появлением автобиографического героя Караса, который определяется как главное действующее лицо очерка. Жизнь Караса в бурсе начинается с ряда тяжелых эпизодов: вместо приветствия от бурсаков, в лице которых он мечтал обрести товарищей, Карась получает шипки, «грязную пясть в лицо», оскорбления («Городской!», «Маменькин сынок!»). С самого начала пребывания в училище мальчика не покидает чувство одиночества: он ощущает себя всем чужим. Карась страдает, когда подвергается традиционным для новичков испытаниям в бурсе («смази», «бутылочке», «волосянке»), но в его душе крепнет желание доказать новым товарищам свой характер, «вполне достойный бурсака». Это желание выражается и в стремлении героя сделать *чужое*, пугающее пространство бурсы *своим*, в стремлении, как он выражается, «обжиться», приспособиться к жизни и порядкам училища. Однако после особенно жестокой порки «на воздушных», устроенной ему одним из учителей, в его сознании окончательно закрепляется четкое противопоставление бурсы и ее быта как «царства бесконечных мучений» семейной жизни как полного блаженства и счастья: «Домой хотелось, домой! <...> Тоска грызла Карасиное сердце, и ему приходило не раз в голову: “Не дать ли тягу из училища? – но куда бежать?”» [2, с. 364].

В бурсе меняется отношение Караса и к родному дому, он *теперь* осознает свою глубокую привязанность к нему: «Родное селение, кладбище, дом с садом, семья, домашние товарищи, игры – все это живой картиной встало перед его воображением. Он теперь хорошо понял, как мила домашняя жизнь, которая казалась ему такой простой, и как гнусна бурсацкая, к которой он когда-то стремился» [2, с. 368].

С темой побега из училища связана тема дороги. Путь из дома для Карася вначале был связан с заманчивой перспективой скорее стать взрослым: он чувствовал себя стоящим у некоей черты, у начала новой жизни. Карась стремился поскорее расстаться с родным домом, его завораживают рассказы старших братьев об удивительных играх бурсаков, о «сказочных», «легендарных» бурсацких «богатырях» и их похождениях. Понятно и стремление вырасти в глазах братьев, которые считали его маленьким и не брали в свои игры. В душе Карася живет страстное желание поскорее окунуться в бурсацкую жизнь: «Карась радуется и скачет как сумасшедший, он блаженствует от той мысли, что еще несколько минут – и он будет бурсак, бурсак с головы до ног, вдоль и поперек». Но для попавшего в бурсу Карася время словно останавливается: в его сознании возникает образ «зияющей пропасти бурсацких ужасов». В сознании героя бурса ассоциируется с тюрьмой, местом смерти. Из бурсы невозможно сбежать: училище окружено забором, а привратник не выпускает воспитанников за ворота без увольнительного билета. Физические и нравственные страдания начинают подавлять его сознание: «Мертвая безнадежность, глухое отчаяние легли на его сердце» [2, с. 383]. Бурсацкая жизнь отрывает Карася от реального мира: «Нигде, кроме внутреннего мира, нигде не было приюта» [2, с. 371]. Единственный «уголок», где он может приютиться безопасно – это его фантазия. Погибающее в огне здание училища в большой фантазии Карася ассоциируется с разрушением всей системы бурсы: «Карась представляет себе, как он с зажженной паклей в руках опускается в подвалы училища, строит там огромные костры и, вышедши оттуда, ждет, скоро ли пламень... начнет лизать проклятые бурсацкие гнезда... Трещат, нагибаются, падают стены... разрушаются гнусные классы... горят противные книги и учебники, журналы и нотаты... гибнут в огне начальники и учителя, цензора и аудиторы... Слышит он гром и треск разрушающегося здания» [2, с. 370].

Привычный мир Карася после приезда в бурсу рушится. Когда-то встречающий непонимание отца, в короткий момент отчаяния он даже готов был отречься от родительского дома и от родных: «Что и дома, когда там все ненавидят меня?... Им приятно, что я мучусь... нарочно отдали сюда, чтоб меня секли, били, ругали... Опустят в субботу домой, не пойду домой» [2, с. 369]. Одиночество, сиротство Карася выражается в отрицании и бурсацкой жизни: он испытывает ненависть к начальству и бурсацкой науке. Лишь с дураками, которые становятся его задушевными приятелями, он может поделиться своей единственной страстью – привязанностью к родному дому и отречением, пусть и на короткий момент, от отеческого дома. Настоящий дом в «Очерках...» ограничен про-

странством души и сознания героя, но и это последнее убежище оказывается разрушенным. В ситуации предельного отчуждения от мира фантазии Карася начинают принимать болезненный характер: «Он ясно начинает понимать всю ложь и безобразие своих картин, гонит их прочь, на душе делается пусто и противно, остается одна тошнота от неумеренных и бесплодных мечтаний... Уличенный совестью, он теперь гнал от себя мечты, и, таким образом, ни во внешнем, ни во внутреннем мире не осталось места, куда можно было спрятаться...» [2, с. 370].

Жестокие и многочисленные телесные истязания, система обучения, названная автором «ужасающей и мертвящей долбней» и «посмешищем всех образованных людей», мешающая видеть ученику предметы «ясно и четко», поселяют в душе Карася ненависть к бурсацкой «науке» (главным его принципом становится: «И да процветает бурсацкое “во веки нуль!”¹). Но при этом заставляют его мыслить о другом, иначе, анализировать, он оттачивает остроумие, развивает наблюдательность, накапливает житейский опыт.

В конце очерка Карась, не получив увольнительного домой на Пасху, что является для него самым страшным наказанием, нарочно калечит себя и попадает в больницу. Муки и страдания в лечебнице, представляющей одно из самых страшных мест бурсы, становятся своего рода искуплением за невнимательное в прошлом отношение к близким (матери и сестрам), за обиду на отца и мысленный, на какой-то момент, отказ от родного дома.

Противопоставление дома, семейного очага как места жизни и бурсы – «мертвого дома» осуществляется писателем также через соотношение ряда устойчивых признаков того и другого: через освещение, звуки, цветовые осязательные характеристики. Так, в бурсе слышатся крики, плач, хохот, ругань, бесшабашный гвалт, лай, мяуканье и кряканье, свист и визг или же стоит *мертвая* тишина; подчеркивается отсутствие освещения (его либо нет вовсе: «в классе так темно, что за два шага не распознать лица человеческого», либо царит полумрак, от которого по классу полосами «ложатся тени», а если свет и присутствует, то угрюмый и неприветливый), общая неприютность подчеркивается холодом (стены, промерзающие зимой в сильные морозы, насквозь; ледяные одеяла, поверх которых во время сна бурсаки набрасывали на себя шинели и шубы; нетопленные холодные печи), запахом нечистот, делающим атмосферу «горькою и едкою».

Пространственные знаки становятся у Н. Г. Помяловского выражением «непространственных» (морально-этических) значений. *Духовное* училище – бурса предстает средоточием зла не только социального, но и нравственно-этического, находящего выражение в общей *без-духовности*, безнравственно-

¹ Имеется в виду «Нуль» в аттестате, т.е. оценка за невыученный или неотвеченный урок.

сти, дикости, необузданности, жестокости бурсацких нравов.

Образы дома, очага, семьи и антидома-бурсы в «Очерках...» получают в перспективе повествования совершенно определенное наполнение. Бурсаки не имеют ни семьи, ни дома в привычном понимании. В конечном счете все они оказываются сиротами. Наполненный жизненным теплом и уютом, нравственно и духовно здоровой атмосферой дом существует по преимуществу в воспоминаниях бурсаков как несбыточная мечта о рае, райской жизни. Реальный отчий дом в некоторых случаях обретает черты антидома (отцы не принимают под свой кров сыновей, вернувшихся из бурсы, бьют их). Дом, как пространство, призванное защитить, укрыть человека, теряет свои функции: Карась в момент отчаяния не хочет возвращаться домой, других бурсаков, сбежавших из училища, отцы возвращают обратно в училище. Любые попытки бурсаков обрести дом (в том числе женитьба на нелюбимой женщине) оказываются тщетными. Но бурса же, осознающаяся героями как место и физических и душевных мук, как пространство смер-

ти, дает некоторым воспитанникам возможность обретения точки опоры в себе: так, Карась не только начинает развивать в себе способности к самообразованию, умение трезво глядеть на вещи.

Можно полагать, что «Очерки бурсы», с учетом ограничивающих возможностей жанра, развивают магистральную для литературы 1860-х гг. тему – тему рождения «нового человека», человека с чувством личности, с развитым социальным самосознанием. В одном этот процесс серьезно осложнен – в условиях роста. На фоне усадьбы, дома, отлаженного быта семьи в романах Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. И. Гончарова и других русских художников обстоятельства *бездомного* формирования-выживания героев в произведениях писателей-народников, к которым принадлежит Н. Г. Помяловский, задолго до М. Горького можно определить как «свинцовые мерзости жизни». В конце последнего, пятого очерка пространство бурсы размыкается до образа Дома-России. Порядки, существующие в бурсе, обнаруживаются по всей стране. Образ бурсы дает основания для символически-обобщенной характеристики состояния русского мира.

Список литературы

1. Цивьян Т. А. Дом в фольклорной модели мира // Семиотика культуры. Труды по знаковым проблемам. Тарту, 1978. № 10. Вып. 463. С. 65–76.
2. Помяловский Н. Г. Избранное / Сост., вступит. статья и примеч. Н. И. Якушина. М.: Советская Россия, 1980. 432 с.
3. Щукин В. Г. Дом и кров в славянофильской концепции. Культурологические заметки // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 135–146.

Островатикова Г. А., аспирант кафедры литературы.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

E-mail: ostr-galina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.03.2009

G. A. Ostrovatikova

HOME AND HOMELESSNESS IN “SEMINARY SKETCHES” BY N. G. POMYALOVSKY

The concepts of *Home* and *Homelessness*, which are traditional for Russian literature and culture, are explored in the context of «Seminary Sketches» by N.G. Pomyalovsky. The «*Seminary Sketches*» central characters of *Home* and *Anti-Home*, the embodiment of which is the Seminary (Bursa), were the subject of reflection. Special emphasis was placed on an analysis of contraposition of *Home* as secure private space and *Anti-Home* as alien and dangerous one.

Key words: *N. G. Pomyalovsky, «Seminary Sketches», home, anti-home, homelessness.*

Ostrovatikova G. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ostr-galina@yandex.ru